

Новость о том, что молодой господин из Цзинду будет преподавать на курсах, разлетелась мгновенно, и жители окрестных деревень в спешке бросились записываться.

Деревья, растущие на территории школы, стояли в густой, насыщенно-зеленой листве под ярким, ласковым солнцем. Сегодня был день отъезда учительницы Ли Синь.

Чэнь Ихуань пришла проводить её. Глядя на то, как небольшой класс из тридцати человек превратился в группу из шестидесяти, она не могла скрыть удивления, хотя Ли Синь уже упоминала об этом по телефону.

Ходили слухи, что Цзинь Няньчжэнь — человек глубоких познаний и утонченного вкуса. С её блестящим послужным списком, в глазах юных учениц она была словно ходячий бонус к успеху.

Проклятая популярность.

Рабочий день Чэнь Ихуань увеличился с одного часа до двух, так как теперь приходилось вести занятия в две смены. Плата за обучение составляла сто двадцать юаней с человека, так что в итоге заработок Чэнь Ихуань удвоился.

Если бы она осталась одна, то точно не справилась бы, но теперь, когда на помощь пришли Лю Цишань и Цзинь Няньчжэнь, Ли Синь уезжала со спокойным сердцем. Она вернется только в сентябре, к началу нового семестра.

Пхеньян был горным районом, нуждающимся в поддержке, и каждый год сюда приезжали учителя-добровольцы. Кое-кого из местных ребят им даже удавалось «вытянуть» в университеты.

Ли Синь была исключением. Казалось, она пустила в Пхеньяне корни, став единственным педагогом, который довел один и тот же класс с первого по третий год обучения.

Когда Чэнь Ихуань училась во втором классе, один из приезжих учителей-мужчин открыто ухаживал за Ли Синь: дарил цветы, торты и даже съездил в город за кольцом из белого золота с маленьким бриллиантом. Казалось, стоит Ли Синь ответить согласием, и они тут же улетят отсюда прочь.

Причина была понятна: Ли Синь была натурой мягкой и утонченной, от неё исходило интеллектуальное обаяние. Длинные, слегка раскосые глаза за стеклами очков, родинка под глазом — даже когда она просто хмурилась, казалось, что она сердится.

Видя, что за ней ухаживает молодой человек, деревенские женщины вздохнули с облегчением. Каждый раз, когда Ли Синь выходила на рынок, она приковывала взгляды почти всех мужчин на улице. Только когда эта «лиса» нашла себе пару, они смогли выдохнуть.

Мужья-то в деревне ненадежные, а она — человек образованный, наверняка чтит нормы морали. Впрочем, у их собственных мужей с моралью было туго.

Ли Синь никогда не рассказывала о своей семье, и Чэнь Ихуань понятия не имела, откуда она родом. Проводив взглядом отъезжающий автомобиль, она побрела обратно.

На арахисовом поле тетушки Ян уборка была уже закончена, дел не было, оставалось только готовиться к урокам. Английский язык всегда был сложной задачей для учеников, привыкших к родному языку и иероглифам.

По дороге домой Чэнь Ихуань погрузилась в раздумья. Лю Цишань, выйдя из машины Цзинь Няньчжэнь и заметив её, подбежал:

— Чэнь Ихуань!

Он по-прежнему обращался к ней по полному имени и фамилии.

Сидя в машине, Цзинь Няньчжэнь проводила взглядом две фигуры, постепенно растворяющиеся вдаль, и отвела глаза.

— Как идет подготовка к урокам? — Английский был трудным предметом, но Лю Цишань не сомневался, что она справится, просто искал повод заговорить.

Чэнь Ихуань с улыбкой ответила:

— Голова идет кругом, но в целом почти всё готово.

— Цзинь Няньчжэнь сказала, что завтра в особняке обсудят дела курсов, приходи и ты, — Лю Цишань поравнялся с ней и пошел рядом.

Раньше они никогда не ходили вместе до школы или обратно. Особняк находился в другой стороне, а дом Хуан Ваньтин стоял необычайно близко к дому старосты. Лю Цишань наслаждался этими минутами пути.

Чэнь Ихуань помедлила, но кивнула:

— Во сколько?

— В три часа дня.

— Хорошо, тогда я приду вместе с тобой, всё равно по пути.

Чэнь Ихуань вдруг показалось, что она видит тетушку Сунь, и она невольно придвинулась ближе к Лю Цишаню. Тот опустил взгляд, уголки его губ едва заметно дрогнули, но он тут же взял себя в руки:

— Тогда я подойду и буду ждать тебя у ворот.

Хуан Ваньтин говорила, что Цзинь Няньчжэнь проучила тетушку Сунь, тетушка Ян считала, что та сама навлекла на себя беду, но Чэнь Ихуань чувствовала: это не помощь, это подстава!

Отобрать у тетушки Сунь деньги и землю — значит толкать её на безумие!

Пойти против Цзинь Няньчжэнь она не смела, на тетушку Ян кинулась бы с палкой, но Чэнь Ихуань — всего лишь хрупкая девчонка, её можно терзать как угодно.

Когда Цзинь Няньчжэнь уедет, Чэнь Ихуань вернется в особняк, где нет взрослых. Она не знала, на что способна тетушка Сунь. Если только не получится загнать врага в угол так, чтобы он не смог подняться, Чэнь Ихуань не станет действовать опрометчиво. У неё не было на это ресурсов.

Тетушка Сунь тоже слышала о курсах. Хоть она и не была образованной, считать деньги умела отлично. Шестьдесят человек в группе! Если каждый платит сто двадцать, и сумма делится на троих, то Чэнь Ихуань получает две тысячи четыреста юаней!

Зачем такой соплячке столько денег?!

Это классический случай: рана зажила, а боль забылась. Господин Цзинь — знатный человек, пожертвовавший Пхеньяну немислимые суммы, конечно, не станет забирать эти копейки. Если он уступит свою долю, а Чэнь Ихуань разделит её с Лю Цишанем, то выйдет три тысячи шестьсот.

В голове тетушки Сунь щелкали счеты, а глаза хищно блестели. Чэнь Ихуань лишила её субсидии и земли — значит, должна выплатить компенсацию как минимум в три тысячи шестьсот юаней!

А еще особняк. Когда Цзинь Няньчжэнь уедет, она со своим сыном Чанцином непременно должна туда вселиться.

Из-за потери земли и субсидии Чанцин в последние дни был не в духе и жаловался матери:

— Я в этом году собирался посадить там овощи, как староста мог забрать нашу землю!

На самом деле, у семьи тетушки Сунь оставался еще один участок, но она в одиночку не

смогла бы обработать и двух. Ли Чанцин не работал ни на фабрике, ни в поле. В свои тридцать с лишним лет он жил на иждивении матери, стал посмешищем для всей деревни и просто перестал выходить из дома, просиживая в четырех стенах круглый год.

В их доме остались только они двое. Тетушка Сунь не была вдовой, её муж сбежал. Сбежал, не выдержав жизни с ней. После рождения Чанцина семья жила относительно мирно, но вторым ребенком у тетушки Сунь родилась девочка.

Для неё это стало концом света. Первенцем-сыном она хвасталась на каждом шагу, а тут — такой позор, «товар на выброс»! Она даже кормить её грудью считала пустой тратой сил.

Однажды муж поехал в уезд, а вернулся — дочери и след простыл. Тетушка Сунь с невозмутимым видом заявила:

— Потерялась.

Ребенку было всего три года, тихая, бедная девочка. В деревне все недоумевали, как такая дикость могла произойти! Объявили полицию, расклеили объявления — всё без толку. Мужчина, чье сердце очерствело от горя, ночью собрал вещи и сказал, что уходит искать дочь. И с тех пор не возвращался.

Тетушка Ян шепотом говорила Чэнь Ихуань:

— На его месте я бы тоже не вернулась. Родную дочь потерять — какое же надо иметь сердце! Змея и то добрее!

Муж тетушки Ян работал в отряде и не появлялся дома года три-четыре. К ней пытались приставать местные негодяи, но она давала им такой отпор, что те бежали без оглядки. Женщины судачили: живет как вдова, как она по ночам-то спит?

А те мужчины и правда возомнили, что она одинока. Но они не знали, что Ян Ли — не из тех, кого можно съесть без соли!

Чэнь Ихуань, слушая это, не могла сдержать звонкого смеха.

<http://bllate.org/book/22133/2306018>